

SECTION 3. CRIMINOLOGY

3.1 Влияние организованных преступных сообществ на формирование общественных ценностей и проявление преступного поведения

Состояние организованной преступности, меры профилактики и борьбы с ней являются предметом исследования разных отраслей правовых наук. Особенности возникновения, существования и развития этого социального явления создают ряд трудностей для его изучения, связанные не только с обширностью и разносторонностью объекта исследования, но и другими объективными факторами. С одной стороны, это недостаток информации и эмпирического материала для исследования, поскольку сведения относительно методов и форм борьбы в силу содержания государственной или иной тайны ограничены в доступе, а проведение объективных наблюдений или опроса в этой среде фактически нереальны. С другой - имеющиеся сведения публицистического характера, т.е. вне научно-практической сферы, подвержены искажению в силу «демонизации» или «романтизации» этого явления образами творчества или субкультуры.

Несмотря на указанные трудности, даже при первом приближении к изучению этой проблемы, можно обнаружить сходства закономерностей процессов и тенденций в этой среде с другими, более изученными, социальными образованиями. Можно полагать, что сегодня в силу взаимопроникновения информации, знаний, культур и технологий, а также взаимодействия широкого круга субъектов разного уровня, возникают основания для их взаимного изменения на качественном уровне. Сегодня невооруженным взглядом можно обнаружить, что взаимоотношения между социальными элементами и социальными системами разного уровня приобретают ярко выраженные черты противостояния или соперничества. Сотрудничества или нейтрального (мирного) сосуществования оказывается значительно меньше или, по крайней мере, так ощущается человеком, вовлеченным в социально-экономические или

политические процессы. В силу таких тенденций и взаимного влияния, социальные системы могут трансформироваться, наследуя и приобретая те черты и образы действия (модели поведения), которые не согласовываются со стандартами соблюдения прав, свобод и интересов человека и иных участников отношений. К таким предположениям нас также подводят процессы эволюции живых организмов, у которых «приживаются» те черты и структурные элементы, которые обеспечивают существенную выживаемость, особенно в неблагоприятной среде. Сегодня становится очевидным, что соперничество, конфликты и нетерпимость, вызванные разными мнениями или мировоззрениями становятся привычным явлением на разных уровнях существования социальных систем. Питирим Сорокин несовместимость ценностей признавал причиной масштабных социальных конфликтов и утверждал, что «когда их единство, усвоение и гармония ослабевают, особенно же когда это происходит вдруг и сразу, увеличиваются шансы международной или гражданской войны». Главной же «причиной или основой, внутреннего социального мира» он называл «наличие в данном обществе целостной, твердо вошедшей в жизнь системы основных ценностей и соответственных норм поведения», при этом «основные ценности различных частей и членов общества должны по существу гармонизировать с этой системой и друг с другом» [75, с.133-134].

Причины, условия и факторы, которые влияют на ценности и процессы, происходящие в обществе, в силу обширности предмета, находятся за пределами обозначенной темы. В этой работе будет сделан акцент на реальных и потенциальных возможностях влияния организованных преступных сообществ на общественные ценности, перспективах такого влияния, а также мерах недопущения или минимизации его негативных последствий.

В работе используется такая категория как «ценности» или «система ценностей». Под ценностями здесь понимаются сформированные убеждения (утверждения), которые отражают отношение к явлениям и категориям как значимым и определяют поведение индивида или социальной группы.

Убеждения это выводы (умозаключения) в форме утверждений, которые приобретены индивидом или социальной группой в процессе жизнедеятельности. Убеждения, в свою очередь, формируются путем внушения (самовнушения) и научения (обучения и воспитания извне или в результате личного опыта). Поскольку ценности формируются под воздействием коммуникативного воздействия окружения и взаимодействия с миром, то ключевым является вопрос убеждений и действий субъектов, влияющих на общественные процессы, а также возможности в этом контексте организованных преступных сообществ.

Учитывая обширность понимания и толкования оперируемых категорий, для определения ценностей (отношения к ним) будут взяты «социально полезные» критерии, изложенные во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года. В статье 1 этого документа, указывается на то, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» и «должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [76]. В связи с этим ценности рассматриваются с позиции их соотношения с категориями, которые по своей сути соответствуют этим положениям. Эта позиция характеризует отношения индивидов и социальных групп к таким категориям.

1. К иерархичности социальных статусов – как исключительности, превосходстве или привилегированности одних субъектов по отношению к другим (доминирование и подчинение), что влечет пренебрежительное, презрительное или нетерпимое отношение друг к другу или противопоставление, например «свой-чужой».

2. К принудительной эксплуатации других – как допустимости использования индивидов или групп против их воли путем обмана или принуждения, т.е. по сути, к самоутверждению за счет других.

3. К экспансии – как захвату того, что принадлежит другим или может принадлежать неопределенному или неограниченному кругу участников правоотношений.

В таком смысле ценности, утверждающие или даже допускающие иерархичность, эксплуатацию и экспансию в своей совокупности можно трактовать как противоправные ценности, а убеждения, которые их обосновывают и поддерживают как противоправную (преступную) парадигму, которая приводит к проявлению действий, посягающих на права, свободы и интересы участников правоотношений.

Целесообразность такого подхода обусловлена такими основными причинами. Во-первых, развитие и доступность коммуникационных технологий и инструментов воздействия на общественное мнение и процессы создают предпосылки для их массового использования. Во-вторых, тем, что в сознании отдельной личности и социума понятие «норма» (социальная норма) тесно связана с преобладающим большинством (поведением большинства). Так, социальную норму определяют как «общепризнанное правило, образец поведения или действия», благодаря которому «обеспечивается упорядоченность, регулярность взаимодействия индивидов и групп», а «масштаб действия определяется рамками признающей их группы или организации и способом институализации» [77, с.441]. По сути, восприятие индивидом или группой поведения своего окружения как «поведения большинства», может быть реальным или, благодаря СМИ и другим платформам распространения информации, иллюзорным. В свою очередь, большинство или иллюзия большинства могут порождать как подражателей и последователей, так и тех, кто в силу конформизма или других причин будет считать приемлемость поведения, проявляемого (а по сути навязываемого) большинством (или меньшинством). Это может повлечь некоторую «цепную реакцию» в обществе и исказить существующее представление о норме поведения, характерного для правового государства и гражданского общества. Здесь также естественно предположить, что абсолютное принятие обществом таких искаженных норм вряд ли возможно, но этого и не требуется, особенно в условиях авторитарного режима, а также существующих технологий и средств поддержания правопорядка, который не всегда может быть «правовым».

Независимо от масштабов социальной общности формирование идеалов и ценностей общества, сопряжение их с непосредственными целями группы лиц, всегда осуществлялось вполне определёнными субъектами (субъектами влияния, акторами), способами и средствами (инструментами). Основное соперничество между субъектами влияния происходит не только за ресурсы, но и за контроль над способами и инструментами влияния на общество. Это имеет естественное происхождение, поскольку возможность управления социальными явлениями и процессами с прогнозируемостью результатов, зависит от степени владения такими средствами и технологиями. Так, М. Фуко характеризовал дискурс «не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [78, с.52]. На протяжении предыдущих веков эти модели управления не претерпевали существенных изменений, а субъекты были практически неизменны. Сегодня, как указывает М. Наим, вследствие «революций множества, мобильности и ментальности» брошен вызов «традиционной модели власти». Действия власти посредством «четырёх каналов» (силы, свода норм и правил, рекламы (убеждения), вознаграждения) «обходятся все труднее и дороже» [79].

Указанные тенденции заставляют пересматривать существующие детерминанты преступного поведения, особенно их социальные составляющие. Сегодня организованные преступные сообщества вполне можно рассматривать как одних из субъектов влияния как на национальном (государственном), так и наднациональном (международном) уровнях. Понятие «организованная преступность», как и формы ее проявления, имеют разные определения исходя из сферы и контекста применения. В нашей работе под организованными преступными сообществами (субъектами организованной преступности, преступными сообществами) будут пониматься сообщества (группы), которые считаются преступными согласно определению Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Согласно п. а ст.1 этого документа «организованная преступная

группа означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду» [80]. Специалистами и международными правительственными организациями указывается, что терроризм и транснациональная организованная преступность сегодня стали проявлять тенденции по сближению и «взаимообучению», что приводит их к сотрудничеству или трансформации друг в друга [81]. В связи с этим в таком смысле не делается их разграничение, а террористические группы или организации также относятся к преступным сообществам.

Состояние общественных процессов и влияние основных акторов являются предметом постоянного мониторинга и исследований. Так, основными объектами исследования уровня доверия являются бизнес, правительство, негосударственные (общественные) организации (далее – НГО) и медиа (далее – СМИ) [82]. Кроме того частым объектом исследования являются уровни религиозности и распределения предпочтений между религиями [83]. Учитывая то, что состав и палитра субъектов, способных повлиять на общественное мнение, постоянно расширяется, сегодня следует признать, что фактически происходит борьба за внимание между широким кругом игроков, часто не брезгующими любыми способами достижения желаемого. «Фейки» и недостоверная информация становятся привычным делом в информационной среде, и это понимается обществом. Согласно последним исследованиям, в том числе по этим причинам правительство и СМИ теряют свои позиции в доверии, в отличие от бизнеса и НГО [84]. К субъектам влияния также можно отнести аналитические центры, учреждения системы образования и науки, блогеров и других субъектов, способных доносить (или навязывать) определенную информацию, которая находит отклик у аудитории и меняет ее поведение. Субъекты организованной преступности также участвуют в таких процессах –

начиная от «раскручивания бренда устрашения» [85], заканчивая дискредитацией власти и должностных лиц, а также тех, кто препятствует их деятельности. Как указывают последние наблюдения Европола, субъекты транснациональной организованной преступности имеют в своей структуре легальные бизнес-структуры, а также широкий круг профессионалов, которые обслуживают и обеспечивают их деятельность [86]. Это дает им дополнительные возможности влияния на общественное мнение и процессы. Кроме того, как подтверждалось исследованиями, представители этой социальной системы «никогда не отгораживались от перемен, они просто ставили себе целью направить их в нужное русло» [85], а, следовательно, преступные сообщества имеют высокую степень адаптации и извлечения выгоды из любой ситуации. Вполне возможно предположить, что ими широко используются созданные или контролируемые НГО, СМИ, блогеры и иные медийные лица, которые умышленно, из подражания или наития транслируют противоправные ценности или «блатную» мораль в общество.

Поскольку нашей целью не является определение и анализ всех существующих субъектов влияния на общественные процессы, здесь мы ограничимся такими: правительство, которое олицетворяет государство, бизнес, религиозные организации, НГО, СМИ, система образования и преступные сообщества. Аналитические центры и иные информационно-коммуникационные платформы или субъекты влияния на общественное мнение нами учитываться не будут. В силу избирательности влияния, разнонаправленности и некоторой зависимости от текущего момента, ожиданий и настроений общества, убеждений представителей власти и других факторов, они сложны для анализа и обобщения. Тем не менее, даже при первом приближении можно обнаружить, что на них осуществляется воздействие с целью вовлечения их в формирование общественного мнения и социальных ценностей. Также возможно предположить, что такое воздействие и вовлечение будет только усиливается со стороны существующих акторов.

Все субъекты влияния находятся во взаимовлиянии и взаимодействии, которое можно охарактеризовать несколькими понятиями: оппозиция, сотрудничество, соперничество и независимость. Оппозиция (противостояние, конфликт) – это состояние взаимодействия, при котором достижение результата одним исключает результативность для другого или других («игра с нулевой суммой»). Выигрыш предусматривает принудительную (насильственную) эксплуатацию проигравшего или его уничтожение. Сотрудничество – это взаимодействие, при котором совместная согласованная деятельность существенно увеличивает ценность результата для всех участников взаимодействия согласно их ожиданиям. Такое взаимодействие допускает неравную взаимную эксплуатацию, которая для участников является очевидной, добровольной и изменчивой. Соперничество (конкуренция) – взаимодействие, при котором достижение результата одним, уменьшает ценность результата для другого или других, но не исключает ее. Возможно ранжирование ценности результата для победителей. Эксплуатация носит преимущественно завуалированный характер. Независимость – это отсутствие взаимного влияния на результативность (ценность результатов) деятельности других участников отношений.

Каждый из этих акторов транслирует в общество (декларирует) определённые ценности, которые с учетом указанных выше критериев (иерархия, эксплуатация и экспансия) вполне возможно обобщить. Результаты этого обобщения указаны в Таблице 1 «Категории, транслируемые акторами», где под знаком «–» понимается отрицание, а под «+» утверждение соответствующей категории. Естественно будет некорректно делать выводы об абсолютности и всеобщности транслируемых акторами ценностей, поскольку, например, многообразие религий и религиозных течений, а также информация о них не позволяют делать категоричные умозаключения. Такая же ситуация и с иными субъектами влияния. Но, тем не менее, считаем, что обозначить некоторые наиболее часто встречаемые «идеальные» ценности вполне допустимо.

Таблица 1.

Категории, транслируемые акторами

Акторы	Транслируемые категории		
	Иерархия	Эксплуатация	Экспансия
Правительство (государство)	–	–	–
Система образования	–	–	–
Религиозные организации	+	–	–
Бизнес	+	–	+
НГО	–	–	–
СМИ	–	–	–
Преступные сообщества	+	+	+

Как видно из таблицы, наибольшая схожесть в декларированных ценностях проявляется между бизнесом и преступными сообществами, при этом может наблюдаться некоторое «родство» с религиозными организациями. Кроме выше обозначенного, эти субъекты проявляют схожесть и во внутреннем управлении. Так, Р.Акофф указывал: «Взаимоотношения между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, – вопрос политики. Политика – это вопрос власти: кто кого контролирует». Он, используя две шкалы (целей и средств) с крайними точками демократия и автократия, утверждал, что к социальным системам «автократия целей – автократия средств» относятся «тюрьмы, военные организации, церкви и корпорации» [87, с.75-76]

Схожесть по своей сути преступных сообществ и бизнеса, а также стремление организованной преступности к накоплению и легализации накопленного посредством создания бизнес-структур не вызывает сомнения. Разница состоит фактически только в способах достижения желаемого. Преступность применяет насилие, которое легитимно только со стороны государства. «Обучаемость» и адаптация преступных сообществ дает основания

полагать, что дальнейшее развитие и рост преступных сообществ будут проходить по аналогии именно с бизнесом. Для бизнеса ключевым является рост, который достигается несколькими основными путями: «созданием альянсов, органическим развитием и приобретением (слиянием и поглощением)» [88, с.11-19]. Следовательно, преступные сообщества будут придерживаться таких же стратегий. Вполне возможно, что из-за агрессивности и высокого уровня конкуренции среды, в которой находятся преступные сообщества, при взаимодействии слияние и поглощение будут наиболее встречаемыми. Косвенными свидетельствами таких процессов могут быть всплески рейдерства, общественное давление на власть по отдельным (частным) поводам, вооруженные конфликты между отдельными группировками или «избирательная» борьба с преступностью правоохранительных и иных государственных органов и т.д. Нетрудно заметить, что конфликт, не только естественное состояние для преступных сообществ (как и соперничество), но и эффективный инструмент разобщения своих конкурентов на разном уровне. Поэтому создание конфликтных ситуаций, особенно в сфере международного сотрудничества, в т.ч. правоохранительных органов, является приоритетным направлением для преступных сообществ.

Здесь также следует отметить, что по мере роста и развития преступных сообществ им все больше и больше будет необходим положительный отклик общества, а также последователи и профессионалы, обеспечивающие их деятельность. В этом смысле нужно обратить внимание на то, что, по сути, интересы и потребности бизнеса, сопряженные с научными разработками в области поведения и психологии человека, сделали рывок для рекламы и технологий целевого влияния на потребителей. В данном контексте организованная преступность не будет исключением и следует ожидать волны навязывания именно противоправных ценностей и убеждений на определенные целевые аудитории. Это может происходить как посредством радикальных религий или идеологий, гипертрофированных патриотизма или национальных интересов, так и иными, более утонченными, способами информационного

воздействия. У организованной преступности, по сравнению с другими акторами есть конкурентное преимущество, связанное с постоянным пребыванием в подполье и необходимостью мимикрии. Опираясь на работы, посвященные истории и тенденциям организованной преступности, вполне обосновано можно предположить, что опыт в этих вопросах существенно обогатился как за счет сотрудничества со спецслужбами [85], так и притока профессионалов во время кризисных явлений, высвободивших массу высококвалифицированных специалистов [89]. Такие условия создают благоприятную почву для скрытого продвижения ценностей и культуры, удобной преступным сообществам. Хотя бизнес, как свободную, целенаправленную деятельность для получения прибыли и других социально полезных результатов, нельзя отождествлять с преступными сообществами и отношения их можно охарактеризовать скорее как конкуренцию или оппозицию, тем не менее, особенно для представителей крупного бизнеса сотрудничество с преступными сообществами может иметь смысл, хоть и в краткосрочной перспективе. Это может быть вызвано желанием преодолеть сопротивление или препятствие, создаваемые правительством или обществом по тем вопросам, которые представляют для них особую материальную ценность, например, работа экологически вредного производства, нарушение условий труда, уклонение от налогообложения и т.д.

Для преступных сообществ государство это объект эксплуатации, а должностные лица — средство, посредством которого возможно достигать желаемого. Д. Дикки утверждает, что «мафия вовсе не является альтернативным правительством: она существует, проникая в государственные структуры и используя силу и слабость государства в собственных интересах» [85]. Общество в этом контексте для организованной преступности имеет такой же смысл. При этом субъектам организованной преступности не нужна власть, им нужна возможность прогнозируемого влияния на власть. В этом отношении они также близки к бизнесу, особенно крупному, которому сложно обойтись без государственной поддержки. Здесь, однако, следует разделить организованные преступные группы от террористических организаций. Для таких организаций

государство рассматривается как основной конкурент или оппозиционер. В этом контексте преступные сообщества могут вступать в оппозицию (конфликт) с захватившими власть террористическими организациями. Особенно явно это будет в тех случаях, когда режим власти можно охарактеризовать как авторитарный. Как показывает история (например, Италия в период Муссолини, СССР в довоенный и послевоенный период) в авторитарных государствах с сильной концентрацией власти организованная преступность существенно утрачивала свои позиции и поддержку в обществе.

Взаимодействие иных субъектов влияния с преступными сообществами может быть построено в любом формате. Однако следует заметить, что вероятность оппозиции будет присутствовать всегда, поскольку их ценности и цели могут быть схожими, но не общими, а способы их достижения существенно отличаются. С НГО и СМИ оппозиция более вероятна, поскольку их относят к «сторожевым псам общества». Сотрудничество или взаимная лояльность может иметь место при условии общей оппозиции к правительству (при аналогичности цели), или же их связанности между собой.

Относительно взаимодействия системы образования с преступными сообществами необходимо отметить два ключевых момента. Во-первых, сильная и имеющая влияние на молодое поколение система образования для организованной преступности крайне опасна и здесь может наблюдаться дискредитация науки, учебных заведений, методов образования и т.д. Во вторых, молодежь является целевой аудиторией, воздействие на которую имеет смысл в перспективе для большинства акторов. Поэтому может наблюдаться как создание молодежных организаций, которые, сотрудничая с учреждениями образования, будут принимать участие в воспитании, навязывая свои ценности, так и продвижение платформ для вовлечения несовершеннолетних в противоправную или антисоциальную деятельность. Декларируемые принципы и ценности таких организаций и платформ будут существенно отличаться от реально осуществляемых.

Таким образом, в силу существенного развития технологий, которое, фактически, опережает развитие и укрепление нравственных ценностей, а также роста числа субъектов, которые соперничают за внимание общества, у субъектов организованной преступности есть реальные возможности для влияния на общественные процессы разного уровня и перехват инициативы в этом вопросе. Независимо от технологий, полностью скрыть намерения и характерную модель поведения практически невозможно, поэтому своевременное распознавание ценностей субъектов влияния является первоочередной задачей институтов гражданского общества. Анализ активно включенного в общественные процессы субъекта с точки зрения ценностей (отношения к иерархии, экспансии и эксплуатации), целей и способов их достижения, которые проявляются в наиболее характерных моделях поведения, дает возможность определить отношение такого субъекта к основополагающим принципам сосуществования людей и обществ. Так, если государство через органы власти и должностных лиц, НГО или СМИ декларируют принятие иерархии, экспансии или эксплуатации, обосновывая это любым образом, то это может указывать о явном или скрытом влиянии на них преступных сообществ или же нахождение их ценностей в преступной парадигме.

Ценности определяют не только идеалы, принципы и меру для социальных отношений. Они определяют отношение общества к правомерному и неправомерному поведению, а это, в свою очередь, является положительным или отрицательным подкреплением для проявления того или иного поведения участниками отношений. Отсутствие осуждения или, тем более поощрение, нарушения прав, свобод и интересов конкретного человека или других участников общественных, независимо от их обоснования, может повлечь принятие правонарушения за норму.

Нивелировать негативное влияние преступных сообществ на общественное мнение и формируемые ими ценности возможно только при консолидации государственных и общественных институтов, как на национальном, так и международном уровнях. Полагаем, что деятельность

государства и институтов гражданского общества должна быть направлена преимущественно на создание альтернатив поведения для реализации возможностей участников взаимоотношений, в том числе тех, кто в силу разных причин стал на путь правонарушений. Акцент только на подавлении или запретах, особенно в некорректной форме может вызывать протест в обществе и подпитывать влияние преступных сообществ, основная деятельность которых построена именно на противопоставлении. Следует также учитывать то, что преступные сообщества как социальные системы удовлетворяют интересы своих членов только на «примитивном» уровне – до тех пор, пока эта система служит для них средством достижения своих личных целей. По мере развития личности, ее взросления, появления новых приоритетов (семьи, общественных связей и т.д.) происходит «расхождение» целей. Конфликт между отдельными членами и системой будет возрастать, поскольку такие системы не допускают демократии в выборе целей и средств их достижения, определяемых ее руководителями (правлящей верхушкой или хунтой).